

МАРИ-БЕРНАДЕТТ ДЮПЮИ

Сиротка

Книга 2

MARIE- BERNADETTE DUPUY

*L'enfant
des neiges*

МАРИ-БЕРНАДЕТТ ДЮПЮИ

Сиротка

Книга 2

УДК 821.133.1
Д96

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Данное произведение было предложено издателю литературным агентством *Editio Dialog*, д-р Мишель Венцель, Лиль, Франция

Перевод с французского:
«L'enfant des neiges» by Marie-Bernadette Dupuy,
Les editions JCL inc., Chicoutimi (Quebec, Canada), 2008

Перевод с французского *Наталии Чистюхиной*

Стихи в переводе *Константина Беляева*

Дизайнер обложки *Сергей Ткачев*

ISBN 978-617-12-6828-9 (PDF)
ISBN 978-617-12-6441-0
ISBN 978-2-89431-391-6 (фр.)

- © Les editions JCL, Canada, 2008
- © Depositphotos.com / Kokhanchikov, remik44992, Klannek, обложка, 2019
- © Netiro Ltd, издание на русском языке, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2011

Глава 10

Встреча после долгой разлуки

Девушка быстро пришла в себя. Ей показалось, будто все это уже происходило с ней раньше: щекой она прижималась к мягкой женской груди, нежные руки обнимали ее, чье-то теплое дыхание касалось лба. Все было в точности так, как в ее снах.

— Мама? — пробормотала она, открывая глаза.

Лора склонилась над ней так низко, что черты ее лица показались девушке поразительно четкими. Она крепко прижимала Эрмин к своей груди.

— Девочка моя, как я испугалась, когда ты упала! Боже, какая радость! Наконец-то ты пришла!

Они обе сидели на ковре, голова Эрмин покоилась у Лоры на коленях.

— Вы на самом деле моя мать? — спросила девушка.

— Конечно! Твой опекун должен был все тебе объяснить.

Эрмин покачала головой. Она была до такой степени взволнована происходящим, что не могла ни на чем сосредоточиться. Долгие годы она ждала этой встречи. Рядом с этой женщиной ей было так хорошо, что хотелось провести так весь вечер и даже всю ночь.

Лора тоже была вне себя от волнения и радости: она беззвучно плакала, поглаживая девушку по волосам и лбу. Иногда она целовала ее, касаясь губами то округлого плеча, то спины, то кончика носа. Лучше, чем слова, эти невесомые поцелуи, эта потребность в физическом контакте доказывали Эрмин, что мать никогда не переставала любить ее. Уверенность в ее любви пронизывала все существо, одновременно успокаивая и приводя в восторг.

— Моя любимая девочка! Спасибо, Господи, спасибо! — повторяла без конца Лора.

Эрмин крепче прижалась к ней и прошептала:

— Мне всегда казалось, что вы приедете за мной в Валь-Жальбер и это случится зимой, когда за окном будет падать снег... А сейчас еще лето, и вы живете в отеле. Значит, я ошибалась. Накануне праздника Богоявления я часто сидела у окна и ждала...

Эрмин говорила, словно в полубреду, однако ее слова открыли Лоре крошечный фрагмент из прошлого ее ребенка. Она представила Эрмин девочкой, ждущей ее прихода у окна монастырской школы, той самой, которую она видела по пути к Маруа.

— Ты можешь говорить мне «ты», ведь ты моя дочь! — воскликнула она.

— Я хотела сказать «вы, мои родители»...

— Давай пересядем на диван. Я не очень хорошо себя чувствую. Столько эмоций, столько счастья... Ты поймешь, когда мы сможем нормально поговорить. Надеюсь, ты меня простишь. Это всё моя вина, только моя!

Лора помогла девушке встать, однако, когда они устроились на диване, женщина не отпустила ее руки.

— Это очень запутанная история, Эрмин. Не знаю даже, с чего начать.

Девушка уловила нежный аромат цветущих роз, исходивший от черного платья и молочно-белой кожи ее вновь обретенной матери.

— Вы очень красивы, — с благоговением проговорила она. — И так элегантны!

— Это не важно, дорогая. И прошу тебя, будь посмелее, мне начинает казаться, что ты меня боишься. Я так рада, что наконец могу рассмотреть тебя, прикоснуться к тебе! Я называю тебя «моя дорогая», но я хочу найти другие слова, лучшие! Если бы ты знала, сколько раз за последний год я повторяла это, ночью и днем! Моя дорогая, моя дорогая девочка!

Эрмин слушала, все еще не веря в реальность происходящего. Ей хотелось, чтобы Лора говорила снова и снова, тогда она могла бы лучше запомнить ее слова.

— Вы сказали «за последний год»... — пробормотала она едва слышно. — Но почему? Неужели раньше я была вам не нужна?

— Прошу тебя, не говори это «вы», оно леденит мне сердце! — взмолилась женщина. — Я все тебе объясню, пусть даже на это уйдут часы!

В это самое мгновение из коридора до них донеслись приглушенные мужские голоса. В дверь забухало сразу несколько кулаков, и все с разной силой.

— Мадам Шарлебуа, с вами желает поговорить один господин, — крикнул из-за двери грум. — Он хочет видеть мадемуазель, которая поет.

— Если она не выпустит Эрмин, я подам жалобу! — крикнул разъяренный Жозеф.

Жозеф и грум были за дверью не одни: директор возмущался поведением Жозефа, пианист Ханс Цале просил всех успокоиться.

— Боже, тебя ищут! — воскликнула Лора.

— Мое выступление! — испуганно вскричала Эрмин. — Я забыла о времени. У Жозефа будут неприятности!

Девушка всерьез испугалась. Ее с минуты на минуту разлучат с матерью, а ведь им нужно еще столько сказать друг другу...

— Ничего не бойся, — успокоила ее Лора. — Никто не посмеет наказать тебя.

Она открыла дверь. Первым в номер ворвался месье Маруа.

— Вы! Вы! — повторял он, указывая пальцем на женщину. — Вы не держите своего слова! Я сказал вам не подходить к Эрмин! Подлая...

— Месье, держите себя в руках, — оборвал его директор. Он был в смокинге, лицо покраснело от гнева. — Не оскорбляйте мою клиентку. Что плохого в том, что она приняла мадемуазель в своем номере? Я не понимаю, в чем вы ее обвиняете. Устроить

такой скандал в холле! Сохраняйте спокойствие, или мне придется принять меры!

Лора встала между Жозефом и Эрмин, словно желая ее защитить. Нахмурившись, она смотрела на Жозефа своими ярко-голубыми глазами, но обратилась не к нему, а к директору:

— Все в порядке, месье. Я мать этой девушки. Да-да, мать вашей певицы. Это долгая история. Я оставила ее младенцем, и супруга месье Маруа, ставшего ее официальным опекуном, была ее кормилицей. Сегодня мы наконец встретились после долгой разлуки.

Директор не сдержал удивленного восклицания.

— Она лжет! — вскричал Жозеф. — Да, она лжет! Она хочет прибрать к рукам эту бедную девушку, которая приняла ее слова за чистую монету!

Ханс Цале, удивленный не меньше директора, переводил взгляд с Эрмин на Лору и обратно. Их внешняя схожесть показалась ему достаточным доказательством.

— Глядя на них, любой поймет, что это мать и дочь, — громко сказал он.

Но никто его не услышал. Ханс Цале пришел к заключению, грозившему перевернуть его мирную жизнь, в которой этим двум женщинам предстояло сыграть важную роль. Девушка была в белом, Лора — в черном. Поэт в душе, Ханс подумал, что дочь символизирует молодость и грацию, а мать — красоту, готовую увянуть под гнетом горя и тоски. У женщин были одинаковая посадка головы, похожие лица и легкие волнистые волосы...

«У этой красивой вдовы, наверное, в пятнадцать лет был такой же восхитительный цвет лица, как у ее дочери сейчас!» — думал он.

Лора вынула из сумочки какой-то документ и протянула его посетителям.

— Перед вами подлинное свидетельство о браке! В нем указано, что у супругов Шарден 15 декабря 1915 года в городке Труа-Ривьер родилась дочь, названная при крещении Мари-Эрмин.

— Но это ничего не доказывает! — заявил побледневший Жозеф.

— Я так не думаю, — отрезал директор отеля.

— Мари-Эрмин перед вами. Она сама постучала в мою дверь, и я ждала ее визита с начала этого лета. Я побывала в доме семьи Маруа, получившей над ней опеку, сразу по приезде в Роберваль. Эти люди живут в Валь-Жальбере, там, где мы с мужем оставили нашу дочь на пороге монастыря, надеясь, что монахини позаботятся о ней. Я попросила мадам Элизабет Маруа рассказать моей дочери обо мне. С той же просьбой я обратилась и к месье Маруа. Я дала ему достаточно денег, чтобы возместить все расходы, которые он понес, воспитывая моего ребенка. Но он решил поступить по-своему! Он ничего ей не сказал! Ничего!

Голос Лоры сорвался. Грум напряженно слушал, стараясь не пропустить ни слова. Будет о чем посудачить с другими служащими в кухне и на всех трех этажах! Горничным эта история придется по душе, как и шеф-повару и его помощникам!

— Мадам, я огорчен тем, что услышал, — обратился к Лоре директор отеля. — Я могу вызвать полицию, если вы предпочитаете уладить это дело таким способом. Разумеется, раз мадемуазель — ваша дочь, она не обязана исполнять условия контракта. Клиенты смогут потанцевать под музыку оркестра.

— Вы признаете ее правоту только потому, что у нее есть деньги и жемчужное кольцо! Потому что она щедро вам платит! — возмутился Жозеф Маруа, чувствуя, что преимущество явно не на его стороне. — Знайте, что эта женщина без угрызений совести бросила свою больную дочь! Свою годовалую дочь!

— Замолчи, Жозеф, — неожиданно пронзительным голосом сказала Эрмин. — Как вы с Бетти посмели так со мной поступить? Это доказывает, что вы никогда не любили меня. Я годами ждала, когда вернутся мои родители, но ни ты, ни Бетти не сказали мне, что моя мать приходила меня искать! Выйди вон! Я тебя презираю!

— Это было сделано для твоего блага, Эрмин! — попытался оправдаться Жозеф. — Я не был уверен, что эта женщина говорит

правду. Так же думала и Бетти. Как я мог позволить, чтобы первая попавшаяся женщина, объявив себя твоей матерью, заговорила тебе зубы? Мне нужны были доказательства. Из осторожности...

— Что ж, теперь у вас есть доказательства, месье Маруа. И будет лучше, если вы сейчас же покинете номер, — холодно сказал директор.

Жозеф обвел взглядом комнату. Пальцы его сжимались, как когти хищника, готового схватить свою добычу. Увидев на угловом столике прекрасную китайскую вазу, он схватил ее и швырнул изо всех сил к ногам Лоры. Женщина не дрогнула.

— Я ухожу, но вам это просто так с рук не сойдет, — заявил он. — В этой стране есть законы, и они на моей стороне.

Рабочий вышел, в бешенстве хлопнув за собой дверь. Висевшая на стене в рамке фотография озера Сен-Жан сорвалась с крючка и упала. Эрмин едва переводила дыхание. Предательство Элизабет и Жозефа Маруа взволновало ее до глубины души. По щекам ее катились крупные слезы.

— Мне очень жаль, что так получилось, дорогая, — шепнула ей Лора. — Я не могла больше молчать. Твой опекун кормил меня обещаниями, хотя теперь я думаю, что он не собирался их выполнять. Как не собирался говорить тебе, что я хочу с тобой увидеться.

Грум тихо выскользнул в коридор. Он видел и слышал достаточно. Директор жестом остановил его.

— Альбер, передашь, чтобы в номер подали ужин на двоих. Мадам Шарлебуа скорее забудет о неприятном инциденте, наслаждаясь прекрасной едой в обществе своей очаровательной дочери. И принеси бутылку портвейна!

Лора поблагодарила его улыбкой.

«Было время, когда, повстречай меня этот любезный господин, он не дал бы мне и цента на хлеб, — с горечью подумала она. — Деньги спят глаза, равно как и дорогая одежда, и драгоценности. А ведь все это не более чем блестящий фасад, за которым скрываются наши прегрешения и ошибки...»